

Зиновий ПРИГОДИЧ

В ПРЕДЧУВСТВИИ
ДОЖДЯ...¹

Повесть

5 января

Перед самым отъездом в Крым мы созвонились и я сказал Шурочке:

— Хочу пожелать тебе счастливого пути, хорошего отдыха, прекрасной погоды. Отдыхай, набирайся сил, здоровья и возвращайся как можно скорее. Если будет возможность, позвони мне оттуда.

— Я постараюсь.

Но прошла уже почти неделя, а обещанного звонка все нет.

А ночью, когда не спалось, пришла ясная и удивительно спокойная мысль: от наших былых отношений уже фактически ничего не осталось. Притворно вежливые разговоры, которые даже дружескими не назовешь, так мало в них искренности и тепла. И надо постепенно привыкать к тому, что она как женщина ушла из моей жизни.

8 января

Загадал себе: если сегодня позвонит — значит, что-то в ее душе еще теплится.

И весь день напряженно, нервно ожидал звонка. Конечно, формально она и не должна мне звонить. «Я постараюсь» — это же не обещание...

Увы, чуда не произошло. И, думаю, не потому, что не позволили многочисленные хлопоты (минутку, чтобы сказать два-три слова, найти можно при любых условиях и обстоятельствах), просто не было такого желания.

Однажды она сказала, что мы — я и муж — уже почти сравнялись по своему значению в ее жизни. Я тогда поверил. Но теперь вижу, что это было мгновенное, импульсивное чувство. Я никогда не был в ее душе рядом с мужем. Впрочем, я на это и не претендовал. Когда выяснилось, что она разводиться не собирается, согласился на роль любовника. Даже сказал, что хочу, чтобы наши отношения никогда и нисколько не повредили ее семейному благополучию: дети, муж — это святое. Мы же будем встречаться время от времени, чтобы доставлять друг другу радость.

Но что-то я, видимо, делал не то и не так, если она постоянно порывалась прекратить наши отношения.

Так что звонок не прозвучал сегодня совсем не случайно.

1 Окончание. Начало в № 3 за 2024 год.

10 января

Вчера неожиданно, уже где-то в 9 часов вечера, пришла эсэмэска: «До встречи, Андрейка! Не грусти, скоро увидимся. Ц.».

Первая моя реакция — радость. Вспомнила все-таки, откликнулась.

Перечитал еще раз. Почему-то больно кольнула одиноко-сиротливая буква «ц». А где же «л»? Значит, это просто послание-утешение, элементарная вежливость — и ничего большего.

Стало грустновато...

12 января

Недавно мне Алесь Петрович сказал: «Ты не можешь любить без страданий...» Наверное, так оно и есть. Если все нормально, мне становится скучно. Мне нужно обязательно переживать, сомневаться, страдать... Если для этого причин нет, я готов их придумывать.

И поэтому я всю жизнь страдаю.

— А ты ведь в своей любви так ни разу и не был счастлив, — сделал вывод Алесь Петрович и попал в самое больное место. Действительно, я так ни разу и не почувствовал счастья взаимности.

14 января

Каникулы закончились. Сегодня она должна была выйти на работу, однако почему-то не появилась. Завуч сказала, что библиотекарь отпросилась на пару дней, чтобы по дороге из Крыма заехать проведать родителей.

После занятий немного прошлись с Алесем Петровичем. Он продолжает удивляться:

— Не понимаю твоей влюбленности. Вы же абсолютно разные люди. Между вами ничего общего...

— Ну не скажи. Есть и общее. Но дело даже не в этом. Мне нравятся женщины оригинальные, непредсказуемые, те, что заставляют удивляться, радоваться, страдать, а вот с теми, что любят меня, которые во всем правильны, мне неинтересно. Парадокс! И мой пожизненный крест.

Алесь Петрович только молча, с сочувствием покачал головой. А на прощание посоветовал:

— Знаешь что? Хватит страдать. Пора браться за ум. Не юноша уже. Сколько можно ходить холостяком? Присмотрись к новой математичке: красивая, умная и, кажется, положила на тебя глаз.

— Алесь Петрович, так у нас же с ней разница в возрасте двадцать пять лет! Какое может быть жениховство? Это же моя дочь... Стыдно.

— А лезть в чужую семью не стыдно? — довольно сурово посмотрел на меня Алесь Петрович, но тут же сбавил тон: — Извини, извини, не хотел тебя обидеть. Я хочу тебе только добра...

О мой Бог! Кто знает, где же оно, это мое добро?

16 января

Наконец-то она позвонила. Я, конечно, этого ждал. И, конечно, обрадовался:

— Шурочка, привет! Ну где ты потерялась?

— А мы только вчера вечером приехали.

Разговор получился теплым, искренним. Ни она, ни я ни словом не обмолвились о наших чувствах, о том, что будет дальше.

Увиделись на работе. После занятий зашел в библиотеку. Мне показалось, что за две недели она не только посвежела, немного загорела, но и помолодела.

Долго рассматривали снимки, сделанные в Крыму. Много кадров, где она с мужем: то стоят в обнимку, то сидит у него на коленях, то нежно прижалась к его груди... Смотреть на все это мне было горько и больно.

Потом немного прошлись по проспекту и простились. Как и при встрече — без поцелуя. Хотя, возможно, она чего-то и ждала, ведь, выходя из библиотеки, достала из сумочки помаду и накрасила губы.

17 января

Как же мне хреново! Не видел ее, и боль в душе уже начала утихать. А встретились — и тлеющие угли разгорелись заново. Ну что мне делать, такому ненормальному? Не юноша же безусый, а седой, облысевший человек, который многое познал и пережил. Мог бы воспринимать все более спокойно, не раздувать пожар. Тем более, как говорит Алесь Петрович, было бы из-за чего.

А сердце — болит! И разуму не внимает. Чего-то ждет, на что-то надеется.

И вот сижу целое утро и корю себя: а может, надо было вчера что-то сказать, самому сделать шаг? Но тут же сам себя останавливаю: первый я этого не сделаю. Зачем? Чтобы снова наткнуться на ее непреклонное «м-м-м...»?

Нужно набраться терпения. Если у нее что-то есть ко мне (кроме жалости), если я нужен ей (как человек, как мужчина), вернется. А если действительно победил муж, то все мои шаги навстречу, все старания напрасны. Только натерпиться стыда и досады.

Чует сердце, что возвращения не будет...

О, этому чуткому сердцу да еще бы немного мудрости!

18 января

Все хожу, думаю, растрavляю душу, разжигая сердце.

Зачем? Это садомазохизм. Сыплю соль на кровавую рану и получаю от этого чуть ли не удовольствие. Сладкая боль, желанные страдания — безумие какое-то...

Вот уж правда: я не могу любить, не страдая.

Смех смехом, но я так и не знаю, что мне делать. Сколько ни думаю, не могу найти какое-то твердое решение.

С утра пришла мысль: немного подожду, а там скажу ей: «У тебя целый месяц, чтобы еще раз все обдумать, взвесить и принять окончательное решение. Если ты почувствуешь, что с моим уходом ничего не потеряла, а, наоборот, приобрела спокойствие, равновесие и это спокойствие тебе дороже того, что у нас было — никакого разговора о дальнейших наших отношениях быть не может.

А в обед встретился с Алесем Петровичем, и он категорически советует мне не делать никаких движений. Он вообще убеждает меня, что она далеко не такая, какой я себе ее нарисовал.

— У нее кто-то есть кроме тебя... Однажды я был свидетелем ее разговора с кем-то по телефону. И это был такой нежный, интимный разговор, что в близости между ними никаких сомнений у меня нет.

Неужели Макаров? Ну, по тому, как она разговаривает с ним по телефону (чему и я не раз был свидетелем) и как у нее загораются глаза с его приходом в библиотеку, можно предположить с большой вероятностью, что так оно и есть. Может, не сейчас, может, это было до его женитьбы...

Во всяком случае, я все меньше и меньше верю в ее целомудрие.

Ладно, хватит травить душу. Послушаю Алеся Петровича и отойду в сторону. Только бы не сорваться, только бы хватило силы воли.

19 января

Я вот тут разное о ней думаю. Притягиваю за уши всякие негативные факты, чтобы как-то оправдать свое фиаско. А если задуматься серьезно, то в том, что она меня оставила, главная вина — моя. Я не смог удержать ее, не сумел заинтересовать, привязать так, чтобы она и дня не могла без меня прожить. Горькая истина: для таких женщин, как она, неординарных, эксцентричных, грубо говоря, шлюшных, я слишком правильный, а потому и пресный, скучный.

А в итоге — остаюсь у разбитого корыта, с разбитым сердцем.

20 января

Вчера по телевизору посмотрел российский фильм «Качели». Ситуация очень похожа на мою. Замужняя женщина любит другого, разрывается между мужем и любовником. События разворачиваются по принципу качелей: она то возвращается в семью, то уходит к любовнику. И вот когда уже, казалось, с семьей порвала окончательно, перебралась жить к любовнику, неожиданно мужа сильно ранили. Он на грани жизни и смерти. Она бежит в больницу, прорывается в палату и отчаянно шепчет ему, обморочному, что любит только его, что он у нее единственный, самый лучший...

Печальная ситуация. Потребовались экстремальные обстоятельства, чтобы она окончательно поняла, что по-настоящему любит только своего мужа. А все остальное — игра, притворство, иллюзии...

Не в такой ли ситуации оказалась и моя возлюбленная? Ее чувств ко мне хватило ровно на полгода. В это время она действительно была со мной, доверилась своему сердцу искренне и безоглядно. А после начались сомнения, колебания, страдания. Те же качели: то покидала меня, то возвращалась. Нынешний разрыв уже третий или четвертый. И боюсь, что последний. Слишком спокойно она сказала мне об этом. Значит, дело не в том, что ее замучила совесть, просто иссякли чувства. Того, что заставляло ее колебаться, страдать, возвращаться, уже не осталось. И поэтому мои надежды призрачны, напрасны.

21 января

Непостижимы загадки человеческой психики!

Два года мы были рядом, в одном коллективе. Приходили каждый день на работу, встречались, о чем-то говорили. И я... не видел ее! Она абсолютно не интересовала, не волновала меня.

И вдруг... неожиданно... как удар молнии! Однажды при встрече с нею, поймав пронзительно-заинтересованный взгляд, почувствовал: что-то дрогнуло под сердцем, разлилась в душе теплота. Дальше — больше. Мне стало нравиться в ней все: фигура, лицо, голос...

И вот теперь, через полгода наших встреч, я понимаю, что не могу без нее жить. У меня холодеет душа от одной мысли, что она больше не будет моей. А до этого же как-то жил. И не тужил. Что же произошло?

Загадка, тайна психологии...

22 января

Позвонила давняя знакомая. Сдуру, с отчаяния пригласил ее к себе. На какое-то время мне показалось, что я успокоился, расслабился. А теперь готов локти кусать: так не хочется видеть ее снова, куда-то идти, что-то говорить. Мне сейчас вообще никто не нужен. Только Шурочка, только она, единственная, желанная, самая лучшая на свете.

Алесь Петрович не может успокоиться:

— Сколько женщин вокруг, молодых, красивых, а он страдает... Теперь это так просто!

— Ну не скажи. Не подойдешь же на улице и не скажешь: «Давай будем дружить». А тогда где знакомиться? В кино, в театре? Тоже неудобно. В ресторане — и сам не хочу. Так что женщин много, а как отыскать мою? Это как в магазине. Пока ничего тебе не надо, кажется, что там товаров разных хоть завались, на любой вкус. А как только начинаешь выбирать что-то нужное, оказывается: того, что тебе нужно, и нет.

Может, со стороны мои сердечные страдания покажутся смешными и нелепыми, не соответствующими возрасту... Но мне не до смеха.

23 января

Почему-то вспомнил расставание с Нинель. Она тоже вдруг перестала звонить, уклонялась от встреч. А однажды я увидел ее в парке под ручку с незнакомым мне мужчиной. Она была веселая, счастливая. И я все понял...

Правда, тогда, в первые месяцы, разрыв виделся мне катастрофой, приносившей невыносимые страдания. А прошло время — только горько улыбаюсь: «Было от чего переживать...»

Не сомневаюсь, что так будет и на этот раз.

Успокаиваю себя, а сердце, несмотря ни на что, живет надеждой.

24 января

Миллион терзаний... Так, видимо, можно назвать мое нынешнее душевное состояние. Десятки раз на день я принимаю разные решения. То мне кажется — она ожидала, что я сделаю попытку сближения, а я этого не сделал. То, вспоминая ее холодную сдержанность, равнодушие в последнее время, понимаю, что на разрыв пошла неслучайно, никаких чувств у нее не осталось, а потому нечего и жалеть. То зарекаюсь больше с нею ни о чем не говорить, быть вежливым, внимательным, своих переживаний не показывать и тем самым сбегать надежду: может, одумается, вернется, как это было уже не раз... Не имея больше сил терпеть эти страдания, хочется броситься к ней, просить, умолять вернуться, страстно убеждать, что я не могу без нее жить, что я без памяти ее люблю и так далее и тому подобное...

И так — целыми днями. Но страдания не покидают меня и ночью. Задремлю на часок, а потом проснусь и до утра не могу уснуть, верчусь, как на горячих углях. Все вспоминаю, думы передумываю. И каждое воспоминание только раздувает, разжигает угли мучений.

А сегодня проснулся — и вдруг пришла ясная, твердая мысль: нужно самому все это оборвать. Увидеть ее и сказать: «Показывая свои крымские фотографии, ты очень красноречиво продемонстрировала, что действительно любишь одного мужа и это очень глубоко и серьезно. А то, что было между нами — так себе, мимолетная забава, приятная, легкомысленная

игра, которую из-за ненужности можно отбросить, через нее можно легко переступить и забыть. Я рад, что у тебя все хорошо. Поздравляю. Прощай!» А еще скажу: «С Тютчева у нас все начиналось, Тютчевым хочу и закончить. В конце жизни он написал такие строки:

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...»

25 января

Нет, я не согласен с Тютчевым. Любовь — это не сон. Это было бы замечательно, если бы она оказалось сном. Проснулся — и все в прошлом, никакого следа.

К сожалению, в жизни все иначе. Любовь — тяжелая, мучительная болезнь. Сначала она действует как наркотик: чувствуешь эйфорию, сильный душевный и физический подъем. Радуетесь не только ты — все вокруг тебя радуется, искрится, светится всеми цветами радуги. После, когда у тебя этот наркотик отнимают, начинается ломка. Психологическая. Душевная. И даже физическая. Разбитое сердце неизбежно приводит к разбитому телу. Я сейчас абсолютно больной человек. Давление 165 на 95. Сердце сдавлено так, что не вдохнуть. Болит голова. Настроение близкое к отчаянию и депрессии. Ничего не хочется делать. Мысли только об одном: что же будет дальше?

Вчера, уже ближе к вечеру, она неожиданно позвонила. Разговор был вежливо-светский. Каждый рассказал, чем занимался эти две недели. Я, правда, все же спросил, почему она не звонила.

— А я никому не звонила. Легла на дно. Отлеживалась.

В подтексте почти прозвучало: зализывала раны. Во всяком случае, мне так хотелось бы.

Попрощавшись, она сказала:

— Я рада тебя слышать. Целую!

— И я тебя целую, Шурочка! Рад буду не только слышать, но и видеть.

Но она, похоже, к этому не стремится. Ведь не ответила ничего, промолчала.

Зачем же звонила? Что все это означает? Звонок вежливости? Стремление поддержать или, вернее, удержать дружеские отношения? А у меня, как только в телефонной трубке раздался ее голос, мгновенно ожило сердце. Затрепетало радостно и с надеждой. Вопреки всем логическим доводам и как будто уже принятому решению. Мда-а...

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса...

Вот в этом Федор Иванович Тютчев безусловно прав!

26 января

Утром не удержался, послал эсэмэску: «Доброе утро, Шурочка! Солнечного, плодотворного дня! Ц.».

Через минуту позвонила. Говорили долго и тепло, но по-прежнему избегая главного. Единственное, что я сказал, это о Макарове, а точнее, о ее отношении к нему.

— Мне кажется, у тебя был с ним роман.

— Опять! — искренне возмутилась она. — Ну на какой Библии тебе поклясться, что ничего, кроме товарищеских отношений, не было? И быть не могло. У меня не такое большое сердце... И потом... потом, чтобы ты знал, мне в нем далеко не все нравится. Мой муж сразу сказал, что он — хитрый.

— Тогда признаюсь и я. У меня к нему тоже настороженное отношение. Этакий Остап Бендер. Но молчал, боясь тебя обидеть. И я рад, что у меня с твоим мужем оценки совпали. И вообще, тебе не кажется, что у нас много общего? И на жизнь мы смотрим одинаково, и одну и ту же женщину любим...

— С моей стороны — то же самое.

— Не понял.

— Ну, что тут понимать? Я тоже люблю вас обоих.

И вот это, пожалуй, было самое главное в нашей утренней беседе. Обрадованный, обнадеженный, я сказал ей:

— Звони, Шурочка. В любое время суток.

— Тогда позвоню ночью.

— Ночью я буду особенно рад тебя слышать.

Такой вот разговор. И вроде ничего особенного она мне не сказала, а глупенькое сердце почему-то сразу ожило, радостно затрепетало, запело. И все мои клятвы, все мои решения полетели к чертям собачьим. Какая же это загадочная и всевластная штука — любовь!

28 января

Вчера, после занятий, когда я заглянул в библиотеку, она неожиданно предложила:

— Давай пройдемся! Может, где-то посидим, поговорим.

Но разговора не получилось. Вернее, мы его и не начинали. Говорили обо всем, только не о том, что тревожит, что болит.

Провел ее до станции метро. На прощание подставила мне губы, я легонько коснулся их своими (это у нас сейчас называется поцеловались) и разошлись.

Пришел я домой, лег на кровать и долго лежал молча, в опустошении.

30 января

Завтра, в крайнем случае, в понедельник, решится моя судьба. Судьба, может, и слишком громко сказано, но сердечный тупик — точно. В этом тупике я нахожусь уже более двух месяцев. Терпеть эту неопределенность, эту двусмысленность нет уже сил. Я стал спать по три-четыре часа. Нужно определяться: либо окончательный разрыв, либо возврат к тому, что было.

Она же на удивление спокойна. Я надеялся, что сама выйдет на разговор, ждал как чуда, что первой сделает шаг навстречу. Но, видимо...

Впрочем, не буду озвучивать того, что думаю, ведь, как известно, слова имеют обыкновение материализовываться. А мне так хотелось бы, говоря словами Тютчева, продлить «прощальный свет любви последней, зари вечерней...».

3 февраля

Ну вот и все! Вместо мучительной неопределенности — горькая ясность: она все-таки бросила меня окончательно и безвозвратно.

Утром, как обычно, позвонила. Мило и тепло поговорили, и, когда уже настала пора прощаться, я предложил:

— Давай в воскресенье съездим за город, погуляем, заодно и поговорим, наконец.

Какое-то время в трубке установилось молчание, а после она твердо сказала:

— Не получится.

Я спросил:

— Только в это воскресенье или в принципе?

— В принципе, — ответила без колебаний.

Всякое выяснение отношений после этого было бы лишним. Хотя еще вчера я готовил тезисы своего последнего, прощального разговора. Хотел, в частности, сказать: «Случайных встреч не бывает. Вот и нас Господь свел с каким-то Своим промыслом. Хотел, чтобы нам было светло и тепло, чтобы мы поддерживали друг друга, помогали во всем. И действительно, так было. Я абсолютно искренне утверждаю: многое не сделал бы, если бы не чувствовал твое постоянное присутствие, оно давало мне силы, вдохновение.

Нам было хорошо. Даже тогда, когда во время различных недоразумений мы расходились, я чувствовал тебя, как солнышко, которое временно зашло за тучи.

Поэтому при расставании теряю не только я, но многое теряешь и ты. Это кажется, что тебе будет легче, лучше, спокойнее. Нет, это не тот покой, которому можно радоваться.

Ладно. Это твое право, твой выбор.

У меня нет ни ненависти, ни обиды. Есть только горечь и боль. И огромное сожаление, что мы свою песню, которая еще только складывалась, оборвали, задушили собственными руками. Потеряли ценнейший дар, который Господь дает редко, далеко не каждому.

Но что произошло, то произошло. Благодарю тебя за все, что ты мне подарила.

Счастья тебе!»

Однако, рассудив, я написал ей другое письмо, более сдержанное. Вот оно: «Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса...» Чуда, однако, не случилось. Получилось самое худшее.

Шура, спасибо тебе за то, что было. Жаль, что я уже больше не смогу называть тебя Шурочкой, моей снегурочкой, легкокрылой ласточкой.

Говорят, от любви до ненависти — один шаг. Но это справедливо только в том случае, если человек любил себя больше. Я же тебя любил, абсолютно забывая о себе. Поэтому сегодня у меня к тебе нет ни ненависти, ни обиды. Есть только горечь и боль.

Очень надеюсь, что нам удастся сохранить нормальные отношения.

Счастья тебе!»

Таким образом, мои мучительные сомнения закончились. Однако легче от этого не стало. Скорее, наоборот. Раньше была хоть какая-то надежда, сейчас нет и ее. Какая страшная, черная пустота на душе и в сердце!

7 февраля

Все думаю, думаю, думаю...

Что же случилось? Почему она так резко и решительно оборвала наши отношения?

В самом начале, когда мы еще были переполнены искренним, трепетным чувством, обеспокоенно

тревожилась: «Что у нас будет дальше? Сколько это может длиться — недель, месяцев, лет? Из-за кого или из-за чего мы расстанемся?»

Она тогда любила. Колебалась и раздваивалась между чувством и муками совести. Но чувство побеждало, и она принимала разумное решение: «Остается просто жить и радоваться, не раня себя ядом страданий. Если все делать легко, честно, то никто не будет в обиде».

К сожалению, чувства ее с каждым месяцем ослабевали, и она все чаще объявляла, что больше не может раздваиваться. И тем не менее возвращалась. Короткие отливы кончались бурными приливами.

А в этом году холодок между нами стал ощущаться отчетливее с каждым днем. И вот — полный разрыв.

Но неужели все случилось именно так? Значит, это была не любовь, а влюбленность — яркая вспышка романтических порывов. И пришел день, когда она легко и просто сказала себе: «Все! Хватит раздваиваться. Семья дороже мимолетного увлечения».

А может, причиной разрыва стало другое? Может, я что-то делал не так, не то?

Ах, что теперь отравлять сердце этими ненужными страданиями?! Все равно уже ничего не вернуть. Обидно только, что она (как и Нинель — вот рок!) ушла не по-человечески: холодно, с пренебрежительным равнодушием. Не нашлось на прощание даже пары ласковых, теплых слов.

10 февраля

На душе — ужасная пустота и безнадежность. Словно мне подрезали крылья. Раньше они, хоть и сложенные, но были, я чувствовал их и знал, что в любой момент могу взлететь. А сейчас их нет. Полная безысходность...

А жить надо. Раненому, бескрылому, а — надо. Иногда даже думаю: а зачем все это было? Пусть бы она лучше не встречалась на моей дороге. Зачем Господь свел наши пути? И почему развел?

От этих болезненных, горьких мыслей не отбиться, не отделаться. Словно в мой расплавленный мозг вживили проклятый чип, и он не дает мне покоя ни днем, ни ночью — все время крутятся, крутятся воспоминания о ней, все время веду с нею пылкие диалоги... А мои многочасовые монологи? Это же с ума сойти можно!

И хотя я говорю, что обиды нет, — неправда, есть, сидит она болезненным осколком в сердце, жалит и жалит. Самое обидное то, что на прощание не нашла для меня ни одного доброго слова. «Победил муж...» — вот все, что смогла сказать. И смех и грех. Словно мы с ее мужем прыгуны, вышли на соревнование, а она сбоку стоит и спокойно наблюдает, кто из нас победит.

Что делать дальше — ей-богу, не знаю. То решаю, что не буду унижаться — писать письма, признаваться в своих чувствах, выплескивать боль и горечь. То вдруг хватаюсь все за ту же соломинку: нет, надо поговорить! Она любила меня в самом начале. Неужели все исчезло бесследно?

Задать бы ей все эти вопросы. Или хотя бы один единственный: «А ты уверена, что выбрала самый разумный вариант?»

12 февраля

Все время придумываю, прокручиваю в голове монологи, которые скажу ей на прощание.

Вчера в течение дня составил-придумал такой:

«После того, как ты мне сказала, что победил муж, мне хотелось хлопнуть дверью и уйти навсегда. Но от этого решительного и, возможно, не очень умного шага меня удержали две причины.

Первая — твои письма. Перечитываю их, и каждый раз горький комочек застрекает в горле, набегают слезы. Господи! Ты же меня так любила! В каждой твоей строке столько чувства! И это было чувство истинное, глубокое, сильное, яркое. Оно не может исчезнуть неожиданно, бесследно, как вода в песке.

И вторая причина — неправильность, неразумность того, что сейчас делаем. Вот мы решили похоронить свою любовь, поставить на ней крест. А у меня непреодолимое ощущение, почти что убеждение, что она еще выйдет из этой темницы, куда мы ее сегодня заживо загоняем, и вспыхнет с новой силой. Потому что мы недолюбили, многое недоделали, недоговорили. Мы нуждаемся друг в друге...»

А вечером того же дня, вспомнив, как последовательно и настойчиво она уходила, дал себе слово: ничего пока говорить не буду. Поживем с месяц в режиме молчания. А там что-нибудь выяснится. «Поживем — увидим», — бросила она однажды.

Значит, будем жить дальше, ждать и надеяться...

15 февраля

«Еще одно, последнее сказание — и летопись окончена моя...»

И летопись эта чрезвычайно печальна.

Сегодня у нас состоялся открытый и откровенный разговор.

Она еще раз повторила, и повторила решительно, безоговорочно, что больше раздваиваться не может. Что все это время, пока была со мною, страдала, мучила себя укорами совести. «Ну что поделаешь, такая вот я... Люблю своего мужа и хочу полностью принадлежать ему».

Хочется этому верить. Хотя и бесконечно жаль, что так произошло. Мне было хорошо с ней. И если бы не эти ее бесконечные метания, все было бы чудесно.

Теперь мне заново переживать, долго и мучительно зализывать сердечную рану. Но я тоже ни о чем не жалею. Минуты высокого блаженства и счастья, дарованные мне Всевышним, достойны сегодняшних моих страданий.

Плохое забудется, раны заживут, а все хорошее останется со мной навсегда.

Расстались тепло. Надеюсь, такие отношения между нами сохранятся. Но это уже совсем другая песня. Без музыки, без вдохновения и божественности.

18 февраля

Переживаю острый приступ самоедства, рефлексии, депрессивного состояния. Знаю, понимаю, что нельзя раскисать, нужно держать себя в руках, но удается это плохо. Особенно в одиночестве. Тогда становится так жалко себя, что не могу сдерживать слез. Они, эти слезы, теперь мои частые гости — когда смотрю какой-нибудь фильм о любви, читаю о том же книгу, вижу на улице, как обнимаются, целуются двое счастливых людей.

А я снова один... Счастье как осенний солнечный луч, который вспыхнул на миг и, не успев согреть, исчез безвозвратно.

Формально у нас все прилично. Утром, как и прежде, она мне звонит, мы долго говорим. Хотя, конечно, какая-то надломленность, неестественность в нашей внешне теплой, приветливой беседе чувствуется. Такие же отноше-

ния сохраняем и на работе. Коллеги, может, даже и не догадываются, какую мы переживаем драму.

Впрочем, насчет «мы» я, возможно, погорячился. По всему видно, что она разрыв восприняла спокойно. Ни в чем не вижу — ни на лице, ни в глазах, ни в поведении — никаких изменений. Подвижная, бодрая, радостная. Наоборот, призналась, что ей стало намного легче. Значит, это была не любовь, а временное увлечение.

А я, дурак, как всегда, увяз в своих переживаниях с головой.

Ко всему этому сейчас примешалось чувство собственной неполноценности, бездарности. Значит, во мне чего-то не хватает, если женщины бросают меня. Хотя как посмотреть.

С Надей мы встречались почти пять лет. Уверен: она вышла бы за меня замуж. Но очень многое в ней меня настораживало, даже пугало, и я не решился сделать ей предложение.

С Нинель отношения длились еще дольше. Она помогла мне пережить серьезный душевный кризис после расставания с Надей. Однако бросать своего послушного и денежного мужа не захотела, а вот подгулять любила. И когда однажды я стал свидетелем ее свидания в парке с другим мужчиной, решительно оборвал отношения. Так что в обоих случаях инициатива разрыва была с моей стороны. И только Шурочка бросила меня. Я не смог ее удержать.

От этих минорных рассуждений о своих любовных неудачах невольно начинаешь переходить к вещам более широким. Начинаешь думать, что и в целом в жизни у меня было не много радостей, везений. В молодости мечтал стать поэтом. Много писал, и даже кое-что печаталось, но моя писанина нигде не выделялась, не отмечалась. Ту высокую творческую планку, за которой признается профессионализм, я так и не одолел.

Не сложилась и карьера. Хотя как учителя меня часто хвалили и хвалят, но из-за того, что я не терплю несправедливости и не стесняюсь об этом заявить, у меня сложилась репутация конфликтного человека. И поэтому, имея за плечами почти пятнадцать лет педагогического стажа и много почетных грамот за свою творческую, инициативную работу, так и остался рядовым учителем. Впрочем, меня это вполне устраивает. Я имею больше свободного времени, возможность что-нибудь почитать, лишний раз сходить в кино, театр. Словом, самосовершенствоваться.

Так что считать себя неудачником, несчастливым человеком не могу. Серьезных оснований сетовать на судьбу нет. Есть любимая работа, есть и близкий друг, с которым можно всегда искренне поговорить и легко помолчать.

Меньше радости я познал в любви. Но ведь она была в моей жизни, была! И мне, как тому водяному из мультика, все еще летать охота. Не знаю, что со мною: то ли вместе с сединой в волосах проник и дьявол в ребро, то ли я в свое время недолюбил, а возможностей реализовать нереализованное остается все меньше...

Все это обостряет многократно мое неистовое желание любить.

20 февраля

Этот звонок был для меня полной неожиданностью. Я был уверен, что уже надоел ей своими душеспасительными разговорами о том, как жаль, что так получилось и т.д. и т.п... Возникла мысль послать ей эсэмэску, сказать, как во сне всю ночь целовал

ее — страстно, неутолимо, до обмирания сердца. Но остановил себя: а нужны ли ей эти признания? Не слишком ли я надоедлив?

И вдруг звонок. В выходной день.

— Сегодня я почему-то оказалась в глубине нашего квартала. Наткнулась на качели и долго сидела на них в тихой печали. И почему-то только сейчас осознала, что у нас все так серьезно, по-настоящему...

— Я рад твоему звонку. И еще больше рад тому, что и ты переживаешь. Теряем-то мы оба.

— Конечно. Очень больно, что нельзя обойтись без этих потерь.

— Поживем — увидим.

— А можно на правах близкого друга я буду тебе звонить?

— Не только можно, но и нужно.

Вот суть нашего разговора, который был непродолжительным, но теплым и в какой-то степени оптимистичным. Во всяком случае, мое глупенькое сердце радостно взволновалось и в нем затеплился лучик небольшой, робкой надежды.

23 февраля

Позвонила только через три дня. И это был уже совсем другой разговор. Ей как бы неловко было за свою воскресную откровенность. Начала рассказывать, что с мужем на днях сделала очень удачный шопинг — купили много необходимых обновок, а также различных вкусокостей.

Зачем мне все это знать? Может, хочет подчеркнуть, что возврата не будет и что у них с мужем полная идиллия?

Словом, сегодняшней звонок и очередной наш утренний разговор начался спокойно, буднично. Она стала говорить, что день у нее ожидается очень напряженный, накопилось много неотложной работы.

А я сказал, что пойду к директору проситься, чтобы отпустил меня во время весенних каникул в санаторий. Надо подлечиться, в последнее время чувствую себя плохо.

— И надолго уедешь?

— На две недели каникул и еще неделю попрошу за свой счет.

— Это надолго...

В трубке повисло молчание. После она заметно измененным голосом сказала:

— Ты меня ошарашил. И куда поедешь?

— В Железноводск. На Кавказ... Некогда, в девятнадцатом веке, если ты внимательно читала «Герой нашего времени», люди ехали на Кавказ лечить разбитые сердца. Я тоже еду туда с этой целью. Надеюсь, что вернусь другим человеком. Во всяком случае, хотел бы, чтобы и мне стало там легко и просто, как тебе сейчас...

Я думал, что она мне возразит: это тебе так кажется, а на самом деле... и так далее. Нет, ничего подобного. Только сказала:

— Целый месяц...

— А я специально даю тебе месяц полной тишины, чтобы ты окончательно разобралась: нужен я тебе или нет.

Горькое молчание снова повисло в трубке.

— Ладно, — сказал я. — Прости, что с утра начал этот глупый разговор. О таких вещах нужно говорить, глядя в глаза, а не по телефону.

— Нет, такой разговор нельзя откладывать. Об этом нужно говорить там и тогда, когда назрела необходимость.

— Ну вот, выходит, что у меня такая необходимость возникла с самого утра. После бессонной ночи... Перечитал твою лирическую запись о музее в Строчицах, мы были в нем в октябре прошлого года, и у меня все в душе перевернулось. Ты замечательно обо всем написала. А сколько тепла и нежности в строчках про котенка! Нет только одного...

— Так я специально избегала этого.

— Да, и в этом вся моя печаль. В прежних твоих дневниковых записях я был всегда... И все равно Строчицы мне припоминаются светло...

— И мне тоже. А ты вот хочешь уехать. И самое обидное, что я не могу тебе сказать «не уезжай». Не имею права.

— Почему же?

— Я могла бы сказать это только в одном случае...

Она не договорила, но я мысленно продолжил: «Если бы любила тебя, если бы возможным было возвращение».

Мне стало грустно-грустно.

3 марта

Вчерашняя встреча была достаточно теплой. Нет, Шурочка не подала мне никакой надежды, но я почувствовал, что разлука, кажется, и для нее не безразлична. Мы побыли вместе около двух часов и так же тепло попрощались. Она сама потянулась ко мне и с чувством поцеловала.

А поздно вечером, уже где-то в десять часов, возвращаясь с английских курсов, позвонила и была такая возбужденная, радостная, что я невольно подумал: а вдруг?

Но чуда не произошло.

Сегодня утром она довольно странно поздоровалась со мной:

— Здравствуй, мой генерал!

— Привет... — растерялся я, не найдя, что бы такого остроумного ответить на ее необычное обращение.

Она почувствовала эту заминку:

— У тебя плохое настроение?

— Да, мне одиноко и очень грустно...

— Грустно... — повторила она и после некоторого молчания спросила: — Значит, ты уже попрощался со мной? Уже все решил?

— Но ведь это не я решил.

— А мне все представлялось иначе. Ты поедешь на свой Кавказ, а я буду без тебя скучать. И еще неизвестно, как все повернется...

— Шурочка, зачем ты меня мучаешь? Ты же прекрасно знаешь, что и я этого хочу больше всего на свете.

— Тогда давай не будем принимать окончательного решения. Поживем — увидим.

На том и простились.

Хотя интуиция подсказывает мне, что этот месяц разлуки ничего не изменит. Любовь — такое чувство: либо она есть, либо нет. Ее не может быть немного, капельку. Правда, последние наши разговоры показали, что переживает и она. Я как-то даже сказал ей, что вот для чего-то небеса свели нас, подарили нам эту счастливую возможность — любить, а мы теперь свои чувства насильно хороним, убиваем. А ведь это большой грех.

— Наверное, можно это расценить и так... — грустно-грустно сказала она и даже всхлинула.

7 марта

В пятницу после занятий мы с Алесем Петровичем поехали к нему на дачу, чтобы провести там выходные. Мне захотелось уехать из города, исчезнуть, не слышать ее, не видеть, не мучить себя лишними страданиями. Осталось переждать каких-то десять дней до отпуска. Путевка уже заказана, билеты на самолет куплены.

А в понедельник после работы она предложила пройтись. Ну что же, пройтись так пройтись. Мы даже зашли в небольшое кафе и немного посидели.

В среду она снова предложила пройтись. На этот раз мы зашли в «Салодкі фальварак». Посидели, поговорили обо всем и ни о чем. Правда, прощаясь, я поцеловал ее на минутку дольше обычного. И она не протестовала. И подарила очень теплую, нежную улыбку.

А в субботу вдруг звонок:

— Что делаешь?

— Навожу порядок в квартире.

— А ты можешь на минутку оторваться?

— Конечно.

— Андрей, а ты мог бы не ехать в Железноводск?

— При одном условии...

— А если это условие будет?

— Тогда конечно.

— Хорошо. Я тебе еще позвоню.

И вот в воскресенье с самого утра снова звонок:

— Так ты не передумал?

— Нет. А ты?

— И я не передумала. Тогда жди в гости. Через час буду у тебя.

И была волшебная встреча, и произошло счастливое возвращение в то, что мне казалось навсегда утраченным. Она заверила, что на этот раз возвращение окончательное. Она все обдумала, взвесила и пришла к выводу, что без меня ей очень и очень плохо.

Что же, поверю еще раз. Хотя где-то в глубине души шевелится, точит червячок сомнения.

10 апреля

Такой я уже, наверное, человек: не могу без страданий. Если причин для этого нет, придумываю их. И тогда отдаюсь во власть своего садомазохизма.

А может, не придумываю?

...Договариваемся, что встретимся в 12:00 дня. Я прихожу на десять минут раньше. Жду, жду, а ее все нет. Наконец, звонит по мобильнику и просит подождать еще минут пять. Проходит пятнадцать. Появляется через полчаса — ни объяснений, ни извинений.

...По вторникам она ходит на курсы английского. Начинаются они в шесть часов вечера и заканчиваются обычно в начале девятого. Вчера смотрю на часы: уже и 20:15, и 20:30, и 20:45, а звонка от нее все нет.

Наконец, около 21:00 отозвалась. Говорю:

— Что-то вас сегодня задержали.

Она с раздражением:

— Ты уже как ревнивый муж! Скоро будешь высчитывать, сколько мне времени нужно на дорогу!

И таких эпизодов бывает по несколько на день. Вот и думай после этого: она вернулась ко мне или все еще в дороге? Придумываю я свои страдания или все-таки они имеют под собой реальную основу?

15 апреля

Ненадолго же ее хватило. Она снова стала отчужденной, равнодушной. Хотя внешне, на поверхности, этого особо и не замечается. Она звонит мне каждое утро, мы подолгу обо всем говорим, в конце, на прощание, она обязательно скажет «целую»... На работе, встречаясь, мы приветствуем друг друга легким касанием губ и так же прощаемся. Иногда даже вырываемся в люди. Вчера, например, были на открытии фестиваля японского кино.

Это — на поверхности. Всеми фибрами души я чувствую, что по-прежнему ей безразличен. Просто она очень старается сохранять видимость теплых отношений. Хотя это ей и не всегда удается, и тогда прорываются ирония, раздражение.

Едем как-то мимо ресторана, который ей очень нравится. Спрашиваю:

— А в чем его преимущество?

Она взглянула на меня этак иронично-саркастично и ответила:

— Я об этом тебе уже говорила. Повторить?

Я пожал плечами:

— Зачем?

Бывает и такое. Начинает говорить, как устала, какую гигантскую работу сделала за день. Стараюсь утешить, говорю, что так нельзя, нужно разумно планировать свои силы и время. Она перебивает и с каким-то злым раздражением набрасывается на меня:

— Разве в этом дело? Как ты не понимаешь, что я иначе не могу! Я могу работать только в состоянии цейтнота! А ты всегда твердишь одно и то же...

У нее нет желания прильнуть ко мне, сказать ласковое слово, обнять. О поцелуе уже и не мечтаю. Вчера, например, встретились часа за два до концерта. Долго ходили по улицам и, как обычные знакомые, несли разную чушь, едва дождалась начала концерта.

А вот еще одна деталь. В пятницу, когда она позвонила мне утром, я сказал, что на работу сегодня не приду: уроков нет, к тому же плохо себя чувствую.

Поинтересовалась:

— А что случилось?

— Видимо, малость отравился. Что-то не то съел.

— Ну ладно. И правильно, полежи, отдохни.

Честно говоря, я ожидал, что в течение дня она позвонит, поинтересуется, как мое здоровье. Ни в пятницу, ни в субботу не обозвалась.

Одним словом, вижу и еще больше чувствую, что моя возлюбленная относится ко мне по остаточному принципу. На первом плане у нее муж. Даже в разговорах со мною бесконечно талдычит: «Славик сказал», «Славик посоветовал», «Славик сделал» и прочее. Славик для нее — и воздух, и солнце, и небо. На втором месте — дети. Она ради них готова на все. Затем идет работа. Но работа не столько сама по себе, сколько как средство материальных благ. После этого идут увлечения: музыка, восточные танцы, курсы английского.

Три вечера подряд (понедельник, вторник, среда) она отдает этому. Ну, а мне... Мне уже что остается. А остается с гулькин нос.

Зачем же тогда она вернулась? Для чего я ей? Так не хочется думать, что за всем этим стоит какой-то практический интерес... Не хочется, но думается все чаще и чаще.

17 апреля

Мне очень сложно ухватить суть ее натуры, определить, понять характер. Она — некое сплошное отклонение от нормы, общепринятых стандартов. Однако при этом любит повторять, что перфекционистка.

И это правда. Она не может ничего делать плохо, лишь бы как. Даже если пишет свой дневник, то пишет грамотно. Штампов и банальных мыслей не терпит.

Прочитала в «Литературной газете» интервью с Диной Рубиной (это ее любимая писательница) и сказала, что они очень похожи. И даже записала это в дневнике:

«Дина не любит ходить на какие-либо официальные мероприятия. И я — тоже.

Дина отгородилась от любых политических интересов. И я — тоже.

Дина позволяет себе носить то, что ей нравится. И я — тоже.

Дина старается как можно меньше времени тратить на пустые разговоры.

Для этого ставит определенные барьеры. И я — тоже.

Дина все реже хочет быть в центре внимания публики. И я — тоже.

Дине всю жизнь хватало мужского внимания своего мужа. И мне — тоже.

Дина постоянно пытается открыть в себе что-то новое, залезть в сферу, которая ей неизвестна. И я — тоже...»

20 апреля

Был вчера на концерте группы «Радимичи» и с грустью думал: почему я здесь один? Как бы мне хотелось, чтобы рядом была она, моя возлюбленная, разделяла мое восхищение, мою радость от чистоты, красоты белорусских мелодий. К сожалению, ей все это неинтересно. Она увлекается джазом, металлическим роком, восточными танцами.

То же самое с литературой. Ни Толстой, ни Чехов, ни другие классики ее не интересуют. Пытался было приохотить к моим любимым Солоухину и Шукшину. Впустую. Она отдает предпочтение Дине Рубиной, Лене Элтанг и им подобным, а любимый автор — Милорад Павич. Самое известное его произведение «Хазарский словарь». Оно существует в мужской и женской версиях и разрушает представление о традиционном романе.

«"Словарь" Павича — наглядное пособие по постмодернизму: аллюзии и семиотическая избыточность, эклектика, гипертекстуальность (?), форма как идея произведения (?)...» Вопросительные знаки ставлю потому, что это не моя характеристика, это мнение современных критиков. И вот что они пишут о Павиче далее: «Для каждого своего текста сербский литератор придумывал оригинальную структуру. «Пейзаж, нарисованный чаем» — роман для любителей кроссвордов, его можно читать по горизонтали и по вертикали. «Последняя любовь в Константинополе» — произведение-игра, основанная на картах Таро. У детектива «Уникальный роман» и вовсе сто различных финалов».

Зачем все это человеку с нормальной психикой?

А она — увлекается.

25 апреля

Вчера утром я пожаловался, что в последнее время с нею стало трудно говорить: такая стала непредсказуемая, импульсивная, переменчивая.

Она возразила:

— Наоборот. У меня все — навсегда. Я привыкаю к вещам, роднюсь с ними, и они мне не надоедают. У меня в квартире шторы висят уже который год, и я им радуюсь, как новым. Кроссовки ношу четвертый год. Образовались дырки, ноги промокают. А мне их менять не хочется. Я даже ручку не могу поменять, пока она не сломается либо не потеряется. Я вышла замуж раз и навсегда. У меня никогда даже и мысли не было изменять мужу. Сама не знаю, как так получилось...

30 апреля

Менее чем за полчаса она умудрилась трижды меня обидеть.

Сначала что-то сказала, а я не расслышал, переспросил. Она фыркнула и капризно отвернулась: мол, что с таким глухим дураком разговаривать.

Хотел ее поцеловать, а она вдруг резко отпрянула: «Что это у тебя на губах?! Что-то соленое...»

И наконец, когда мы стали вспоминать вчерашние предмайские посиделки и я сказал, что не ожидал от наших коллег такой активности, она коротко и холодно бросила: «Это говорит не в твою пользу...»

И такое не впервые. Мне стало очень сложно с ней: неизвестно, о чем говорить, как говорить. Все встречает в штыки, спорит, мое мнение не принимает. А когда я об этом говорю, недовольно хмыкает:

— Радуйся, я со своими еще хуже поступаю...

Сомнительная радость, и нужна ли мне такая?

3 мая

Несколько раз она, как бы между прочим, говорила, что очень любит фильм «Безымянная звезда».

Недавно его удалось посмотреть и мне. Ах, лучше бы не смотрел! Мне и до этого было не очень весело, а тут совсем загрустил.

О чем фильм? Капризная, изнеженная молодая жена убегает от своего богатенького мужа. Просто так, ради экстрима. На одной из железнодорожных станций ее, безбилетную пассажирку, ссаживают с поезда. Надо где-то переночевать. Но где? На вокзале это не предусмотрено. Случайно рядом оказывается учитель местной гимназии. Он и предлагает незнакомке свое жилище. Слово за слово — происходит знакомство. Учитель вдохновенно повествует о своем увлечении астрономией, показывает в ночном небе созвездие, где есть звезда, которую он открыл. И предлагает назвать эту звезду ее именем.

Женщина от всего этого в восторге. И даже, забыв о муже, соглашается стать женою учителя, который не на шутку влюбился в незнакомку.

Но... Но тут на шикарном автомобиле приезжает муж и открывает своей изнеженной жене глаза на суровую реальность.

— Ты будешь жить в этой лачуге? Будешь умываться из-под лейки? Ходить за водой к колодцу? Не смейся людей!

И романтический туман развеивается. Женщина садится в машину и машет влюбленному учителю ручкой:

— Жди меня! Я еще вернусь...

Но учитель уже понимает: конечно же, не вернется. И на вопрос своего друга, почему он такой спокойный, отвечает:

— Ни одна звезда еще не отклонялась от своего курса...

5 мая

Нет, при всех стараниях и с ее, и с моей стороны ничего у нас не получается. Все время какие-то недоразумения, какое-то напряжение.

Вчера ей сказал:

— Ты знаешь, когда у нас все только начиналось, я летал, как на крыльях. Мне хотелось гулять с тобой по городу и за городом, быть вместе каждую минутку. Но у тебя все чаще не хватало на это свободного времени. И я перестал что-либо предлагать. Мне думалось, мы сможем хотя бы изредка выбираться в кино или театр. Напрасно, ты всегда занята. Я тебе писал стихи, вкладывая в них свою душу, а ты так и не нашла времени, чтобы их почитать. И я перестал писать. Много чего мне хотелось, но ты постепенно охладила мой пыл, приземлила меня, и я перестал хотеть...

Шура без эмоций выслушала мою печальную тираду и тихо сказала:

— Я такая, какая есть...

— Нет, ты можешь быть совсем другой!

Она ничего не ответила. И я продолжил:

— У нас было зеленое, живое, красивое дерево. Постепенно мы отрубили от него ветку за веткой, и теперь остался один сухой ствол.

И на это ничего не ответила.

10 мая

Сегодня за день позвонила дважды — утром и вечером.

Однако радости от этого мало. Звонила не для того, чтобы меня услышать, сказать доброе, ласковое слово. Нет, забота у нее была совсем иная. У сына в институте возникла проблема. Репетиторша, которая взялась подтянуть парня по рисунку, вдруг ни с того ни с сего стала критиковать его работы и почти выставила за дверь как никудышного студента.

Я пообещал встретиться с кем надо, попытаться урегулировать конфликт. Довольная, она сказала:

— Буду ждать, — и быстренько попрощалась.

15 мая

После занятий я остался в учительской один: нужно было подготовиться к завтрашнему диспуту в десятом классе по книге Алеся Жука «Охота на последнего журавля».

Неожиданно приоткрылась дверь и в учительскую заглянула Шура:

— У тебя есть еще дела? Может, пройдемся?

Отрицательно покачал головой. Она, видимо, не ожидала такого, смущенно сказала-спросила:

— Тогда я пойду одна?

— Как хочешь...

Шура хлопнула дверью и ушла. Вскоре и я ушел.

Только успел переступить порог квартиры, как раздался телефонный звонок.

— Ты уже дома?

— Как видишь.

— Жалко. А я еще здесь, возле школы. Думала, что все-таки погуляем...

Повисло мучительное молчание. Мне не хотелось начинать неприятный разговор, а она не понимала, что происходит. Я, всегда такой послушный, такой гуттаперчивый, вдруг проявил непонятное упрямство.

— А что случилось, Андрей? — не выдержала все-таки она. — Ты сегодня показательно продемонстрировал свое безразличие, вел себя просто неприлично...

— Ну да, это я во всем виноват. Прости, пожалуйста.

— А если без иронии?

— А если без иронии, то неужели ты не понимаешь, что происходит? Увидела мое равнодушие, а боли в моих глазах не видишь... Ничего не чувствуешь?

— Но неужели непонятно, что я дико устала? Что у меня на это есть свои причины?

— Может, для твоего мужа и понятно, а для меня — не совсем. Последнее время ты поступаешь со мною, как со щенком: появилось хорошее настроение — допускаешь к ноге, погладишь за ухом, испортилось настроение — пошел вон!

— И что ты предлагаешь?

— Определиться. Чем такие отношения — лучше уж никаких... Понимаешь, меня сейчас волнуют два взаимосвязанных вопроса, а по сути один: нужен я тебе или нет? И зачем, если да? Подумай и ответь — четко и честно.

— Хорошо. Пока...

Впервые я пошел ва-банк, и, думаю, это в немалой степени ее озадачило.

Через полчаса — новый звонок:

— Я уже все решила. Ты мне нужен. И... и, кажется, я тебя люблю.

— Кажется ... — саркастически повторил я. — Ладно, как промежуточный ответ принимается.

Она заметно повеселела:

— Спокойной ночи, мой воробышек! Целую.

16 мая

«Ты мне нужен ...» Как же двусмысленно это прозвучало! Каким грустным эхом откликнулось в моем сердце...

Конечно, я понимаю: другой она не станет. Другим должен стать я. Ведь любовь — это улица с двусторонним движением. Нельзя, невозможно любить только одному, натываясь на равнодушие или даже раздражение того, без кого жизнь не мила. Все, как говорится, до поры до времени. Вот и для меня пришла пора понять: все, больше не могу. Устал, измучился. Нервно, психологически, физически. А поскольку обстоятельства изменить нельзя, то меняться придется самому.

Да, собственно говоря, многое уже во мне и изменилось. Нет уже того трепетного пыла, прежней яркости чувств. Они присыпаны пеплом горечи. Обида и разочарование все чаще холодят мое сердце.

21 мая

И грустно, и больно, «и некому руку подать...». Таково мое настроение.

А началось все в пятницу.

Она позвонила, как обычно, с утра. Среди других незначительных новостей сообщила, что Макаров собирается разводиться со своей молодой женой.

— А где ты с ним встречалась? — удивился я.

Обычный, казалось бы, вопрос. Но неожиданно получил на него резкий, унижительный ответ:

— Где надо, там и встречалась.

Мне ничего не оставалось, как перевести разговор в другое русло. Но царапина на душе осталась.

А в субботу предложил ей съездить в лес погулять, развеяться, а то она стала какая-то нервная, раздраженная. На удивление легко согласилась...

Ах, лучше бы я этого не делал! Во время прогулки хотелось ее обнять, сказать что-нибудь ласковое, но она резко, даже с каким-то раздражением оттолкнула меня.

Я, конечно, обиделся. Она прекрасно видела мое настроение, но не сделала ни малейшего движения, чтобы эту обиду как-то загладить. Ей было абсолютно все равно, что у меня на душе. Смеялась, радовалась пению птиц, удивлялась, что до сих пор в лесу цветут подснежники.

С тем и вернулись в город. А вечером пришла эсэмэска: «Андрей, не обижайся на меня. Целую». Это запоздалое послание только прибавило горечи.

23 мая

Вчера она сказала:

— Ты такой обидчивый... Чуть что — и уже нахохлился.

Я постарался объяснить свое состояние:

— Понимаешь, мы находимся в абсолютно разных обстоятельствах. Ты окутана постоянной любовью близких, ни в чем не нуждаешься. Я как волк-одиночка. Жизнь моя складывалась так, что те, кого любил я, не очень нуждались в моих чувствах, а тем, кто любил меня, я не платил взаимностью. В итоге — и я недолюбил и меня недолюбили. В душе у меня бурлит целый вулкан чувств, но не находит выхода. Сдерживаю их, понимая: мои чувства никому не нужны. И вот когда натыкаешься на такое равнодушие, неостребованность, становится больно и горько. Не обидно, а именно больно и горько. Хочется куда-нибудь уйти, сбежать, спрятаться ото всех и всего в какое-нибудь логово и только ночью тихо и безнадежно выть на луну...

Она внимательно выслушала меня и в ответ ничего не сказала.

Хотя ожидал, что она станет убеждать меня, что я не прав и мои чувства очень нужны ей, что она любит меня и прочее...

Ничего подобного сказано не было.

25 мая

Сегодня на минутку забежал в библиотеку, и она, немного смущенная, передала мне письмо. Вот оно:

«Последний наш разговор выбил меня из колеи, лишил покоя. Не хотелось ничего делать. Впрочем, такое случается, благодаря тебе, со мной нередко. Ты думаешь, что это только я тебе причиняю боль и страдания? А не приходит ли тебе мысль, что и ты способен мучить? Ты умеешь колоть, ранить, разрушать не хуже меня, а то и почище.

Понимаю, что ты ревнуешь меня к семье. Тебе кажется, что я все время провожу именно с ними, не имею ни в чем нужды. А в подтексте читалось: не нуждаюсь и в твоих чувствах. Меня это ранило: и тон твой, и смысл. От этого веет нежеланием понимать друг друга. Очень часто, когда мне плохо, когда нет никаких душевных сил, хочется слышать от тебя просто слово

поддержки, понимания, а ты льешь на меня холодный, колючий дождь упреков и обвинений. Причем упреки эти часто несправедливы.

Ты обижаешься на каждое резкое слово. Я уже и сама боюсь что-нибудь ненароком ляпнуть невпопад. Вот и недавно после того, как стала о чем-то жаловаться, спросил: «Чем я тебе могу помочь?», а я, наверное, довольно резко ответила: «Ничем!» И подозреваю, что это тебя обидело. А если и не обидело, то, видишь, постоянно сейчас подозреваю, что обидела.

Да, у меня плохой, неуживчивый характер, и, узнав меня поближе, ты с этим столкнулся. Часто говорю резко, грубо, вспыльчиво, раздражаюсь, противоречу, спорю, капризничаю, обижаю. Я такая, какая есть, не могу поменяться. Я так воспитана, либо так невоспитанна. А ты принимаешь мое поведение за плохое отношение к тебе.

Я очень устала, Андрей, от всех этих недоразумений. Хочу побыть одна. Не обижайся, но больше так не могу. Нам лучше расстаться...»

28 мая

Я чувствовал: с ней что-то происходит. Нет в наших отношениях прежних тепла и искренности. И уже тоже решил сделать перерыв.

Она меня опередила.

И хотя я где-то в глубине души ждал этого, но все равно ее письмо стало для меня неожиданностью. Не скажу, чтобы это было слишком болезненным ударом, но и приятной такую новость не назовешь. Да, наверное, во многом виноват и я. Моя чрезмерная обидчивость, излишняя подозрительность стали причиной недоразумений, которые завели наши отношения в тупик.

10 июня

Кажется, и не в первый раз она шокирует меня своим решением, но в те разы было почему-то... не скажу легче, но светлее, что ли, духовнее. Раньше я переживал целую гамму чувств: боль, нежность, любовь. Теперь же на душе равнодушие и горечь.

Не успел дописать последнюю фразу, как зазвонил домашний телефон. Шура. Начала объяснять, почему так получилось. Мол, все та же причина: чувство вины и семейный долг.

— Но я тебя за уши не тянул. Не уговаривал, не вынуждал. Наоборот, последний раз, а это было месяц назад, сказал тебе: определяйся. И что? Ты, долго не думая, ответила, что я тебе нужен. И что на этот раз все будет хорошо, как никогда. Хотя чувствовал — прежней теплоты и искренности у тебя уже нет. И знал, что рано или поздно ты все равно порвешь наши отношения. Тем не менее, твое письмо было как удар обухом по голове. Понимаю: сердцу не прикажешь и любить не заставишь, но ведь расстаться можно было приличнее, по-людски...

Словом, я сказал ей все, что думал. Она особенно и не возражала. Только вздохнула:

— Ну пусть тебе будет легче от того, что и мне трудно. Честно говоря, я и сама до конца не понимаю, почему так сделала...

Вчера, не успев я еще остыть от телефонного разговора, раздался звонок домофона. Снимаю трубку — она!

Встреча, правда, была скомкана, так как в квартире работал телемастер. Но когда он минут через пятнадцать ушел, я спросил у нее:

— Ну так что будем делать?

— Я пока ехала, уже все сказала. Теперь даже не знаю, что говорить.

— Иди сюда, сядь рядом, и давай спокойно во всем разбираться. Прежде всего скажи мне, почему ты приехала.

— Потому что уже больше не могла. Вчера еще вытерпела, а сегодня не смогла: сначала позвонила, а сейчас вот приехала.

— Ради чего?

— Чтобы сказать, что мне очень плохо. Сначала почувствовала какое-то облегчение, а потом стало невыносимо тяжело. Я не смогла ни работать, ни нормально спать. И очень боялась, что ты на летних каникулах куда-нибудь уедешь.

И снова начала мне доказывать, что она и сама не понимает, почему время от времени принимает такие решения.

— Это словно какой-то дьявол сидит во мне и провоцирует на глупые, поспешные шаги. И я не гарантирую, что подобное не случится еще. Но заметь: периоды между этими решениями становятся все длиннее. Это хороший знак...

Порывисто обняв меня, она даже сказала «люблю». Правда, как-то робко, неуверенно, вынужденно.

15 июня

Недавно она спросила:

— У тебя горечи на душе нет?

— Нет, горечи нет. Но есть ощущение, будто еду в машине, которая в любой момент может закапризничать и пойти под откос. Ощущение, честно говоря, не самое лучшее.

Так я сказал ей тогда. А теперь прислушиваюсь к себе и чувствую, что есть на душе и горечь. Оттого, что не удалась и эта моя последняя любовь, мои чувства оказались не нужны. И теперь пытаюсь обуздать себя, замолчать, хотя то, что живет в сердце, бунтует, требует выхода. Иногда не выдерживаю, даю волю чувствам...

5 июля

За неделю она позвонила только один раз. И то разговор был натужный, прохладный. И короткий.

Я надеялся, что сегодня после танцев по традиции она позвонит. С девяти часов вечера до десяти сидел, прикованный к телефону, — не дождался.

Бог с ней! Все это уже просто смешно. Бросать — возвращаться, возвращаться — бросать... Сколько можно терпеть эти приливы и отливы?

Пишу, а сердце колотится как сумасшедшее. Для него моя логика не указ. Надо же так влипнуть! Если бы знал, чем все это закончится, в самом начале безжалостно наступил бы на горло собственной песне и сейчас не страдал бы от постоянной боли, тревоги, нервозности.

А ведь эти греховные отношения, как говорит Алесь Петрович, ничем другим и не могли закончиться.

10 июля

Сегодня загадал: если позвонит — есть еще какая-то надежда, если же нет — все кончено.

И хотя все эти десять дней убеждал себя, что так для меня будет еще и лучше, давно надо было кончать с непонятной бодягой, которая приносит мне одни страдания... А все равно в душе, где-то на самом донышке, жило (и живет!) желание продолжать эти сладкие страдания. Ведь без них (как бы я себя ни убеждал) лучше мне не будет. Пусто будет и на душе, и в мире...

Все-таки позвонила. И как ни в чем не бывало поздоровалась:

— Доброе утро, мой воробышек!

Я, признаться, даже растерялся, так как подготовился к совершенно другому разговору, другой тональности. А тут «воробышек».

— Доброе утро, Шурочка!

И проговорили где-то с полчаса — обо всем и ни о чем. Я не спрашивал у нее, почему она не звонила, а она не посчитала нужным что-то объяснить. Словом, десять дней немоты — и как будто так и надо. Но ведь так не должно быть! Это же не по-людски...

15 июля

С удивлением осознал, что нашим отношениям уже два года. Два года! И все это время (за исключением первых полгода) у нас постоянные недоразумения, расставания, возвращения и снова расставания...

Вот и снова на ровном месте она замкнулась, отдалилась, ходит нервная, раздраженная.

На днях даже не выдержал, заплакался в жилетку Алесю Петровичу. А тот только развел руками:

— Тебе, друг мой, нужна новая любовь. Но не с замужней женщиной, а со свободной, умной, уравновешенной. А ты выбираешь каких-то эксцентричных, непредсказуемых. Да еще лезешь, извини, пожалуйста, в чужую семью. Чего же ты тогда хочешь?

— Чего я хочу? Хочу одного: любить и быть любимым. А с тем, что мне нравятся замужние женщины, да еще непременно оригинальные, грубо говоря, нестандартные, я ничего не могу поделать. Это, наверное, мой крест. Но я не стремлюсь разбивать чужую семью. Упаси Бог! Я не хочу своего счастья за счет чужого горя...

— Но ведь так не бывает, дорогой мой, — возразил Алесь Петрович.

— Так что же мне делать?

— Я уже сказал: надо искать новую любовь.

Надо! Еще как надо. Но где ее найти?

17 июля

Сегодня позвонила, но вместо ожидаемого разговора получился какой-то беспорядочный, нервный спор.

Заговорили о молодежи. А началось с того, что я похвалил статью Алеся Петровича, которую он опубликовал в республиканской газете. О проблеме воспитания старшеклассников. Поднял важную, актуальную тему, хорошо разработал, привел интересные факты из собственного опыта.

— Ничего интересного там нет, — перебила с раздражением. — Проблема банальная, факты давно известны.

— Все равно молодец. Очень доходчиво, убедительно показал, что современная рок-музыка — это своеобразный наркотик. И эту мысль молодежи надо вбивать в голову и вбивать.

— Никому ничего не надо вбивать! — уже с нескрываемой злостью сказала она. — У нас растет прекрасная молодежь.

— А ты знаешь, сколько среди них наркоманов, пьянтеров, морально распущенных лиц?

— Мизерный процент. В основном наши молодые люди чистые, светлые. Одна беда — чтобы только не уехали за границу.

— А тебе не попадались на улице парни (да и девушки!), которые идут и на всю улицу ругаются матом?

— Ну и что? Это еще ничего не значит. Я тоже в свое время и материлась, и курила. И что?

— Ну ... — не нашел что ответить. Замолчал.

Но даже когда речь заходит о погоде, она и здесь будет мне возражать. Я, например, говорю, что сегодня очень жарко, чувствуешь себя вяло, плохо, а она утверждает, что это, наоборот, прекрасно. Я жалуясь на дождь, а она укоряет меня, твердит, что надо любить любую погоду...

С нею стало невозможно говорить. Причем не вчера и не позавчера — уже около года. Любое мое мнение, даже мелкое замечание упорно оспаривает. Оспаривает иной раз, мне кажется, даже не потому, что так думает, а только чтобы сказать мне наперекор.

Особенно невозможно разговаривать с нею, когда у нас начинается период зависания, неопределенности. Тогда вообще не знаешь, что сказать. Идешь, как по минному полю, в любой момент ожидая ее взрыва, раздражения, злости.

23 июля

Почему-то все время хочется плакать... Особенно когда прочитаю или увижу по телевизору что-то про счастливую любовь, разбирает нестерпимая, жгучая жалость. Жаль своего загубленного, потерянного, никому не нужного чувства. Жаль самого себя за то, что ни разу не повезло полюбить взаимно.

Конечно, самое лучшее для меня сейчас было бы решительно оборвать эту непонятную связь, прекратить бесконечные страдания. А я не могу, как тот наркоман, оторваться от ядовитого зелья, не нахожу силы воли первому сделать спасительный шаг...

Господи, дай же мудрости отойти от всего этого непонятного, досадного, мучительного! Дай силы выдержать невыносимую сердечную боль и скорее залечить душевную рану...

27 июля

Вспоминаю последние три дня и удивляюсь: сколько они всего поместили и драматичного, и счастливо-волнующего, и минорно-грустного...

Пятница. Я не выдержал, сказал ей: «Надо поговорить. Больше неопределенности я не выдержу». Она сначала отнекивалась, а потом согласилась. Мы зашли в кафе и поговорили больше двух часов.

На мой вопрос: «Да или нет?» — она ответила: «И да, и нет». Но в подтексте прозвучало больше «нет», чем «да».

— Ну что же, — сказал я, — не будем в таком случае морочить друг другу голову, поставим точку и расстанемся.

— А разве нельзя остаться друзьями? Иногда встречаться, куда-нибудь ходить? Только без близости...

— Это уже какое-то иезуитство, какой-то мазохизм. Я же нормальный, здоровый мужик. А ты предлагаешь мне ходить возле колодца и не напиться воды, не утолить жажды.

— Жаль...

— А что случилось? Почему после последнего возвращения, когда ты уверяла, что сейчас все будет хорошо, не прошло и месяца, как ты снова объявила мне бойкот?

— Почему?.. И муки совести, и состояние моего здоровья, и моя невероятная усталость, из-за которой мне никого и ничего не хочется.

— Ладно, сейчас это уже не имеет никакого значения. Ставим точку — и хватит.

Но удивительно, после такого решения мы еще долго и очень тепло говорили. Я — про то, что люблю ее, как мне теперь будет тяжело. Она — о том, что и ей будет нелегко, ведь я для нее уже стал близким и дорогим человеком...

Мы вышли на улицу, в тихий, погожий летний вечер. На проспекте пахло липами, было красиво и празднично.

— Даже не верится... — грустно сказала она. — Не верится, что все, что произошло с нами, это реальность. Какой-то нелепый сон...

— А у меня другое ощущение. Вот мы поставили одну точку, вторую, третью. Оглянулись...

— ...а получилось многоточие, — сразу угадала она мою мысль.

И мы еще, переполненные грустным и почему-то теплым чувством, прошли по проспекту вплоть до ее автобусной остановки и нежно, трогательно простились.

И только глубокой ночью, проснувшись и прислушиваясь к тому, что творилось на душе, понял весь драматизм ситуации. Это же мы простились с нею всерьез и навсегда! Как же я теперь буду без нее?

5 августа

Я все-таки уехал из Минска. Достать путевку в Железноводск не удалось, взял в наш, белорусский, санаторий.

Буду здесь три недели. Подлечусь, отдохну. И самое главное: вдали от нее, может, немного успокоится душа, утихнет сердечная боль...

19 августа

Нет, от себя не убежишь. Ни лечебные процедуры, которыми я себя загрузил по максимуму, ни купание в озере, ни многочасовые прогулки по лесу — ничто не помогает мне забыть ее, умерить боль.

30 августа

В школе прошло традиционное августовское совещание. Перед новым учебным годом нам поставили новые задачи: усилить патриотическое воспитание учащихся, особенно старшеклассников, усовершенствовать преподавание национальной истории, обратить больше внимания на события Великой Отечественной войны...

Я ждал встречи с Шурой, волновался и на что-то надеялся. Надеялся, что в ее глазах увижу хоть какие-то искорки радости, а на лице — признаки волнения. Ничего этого

не было. Ровная, спокойная, довольная собой и своей семьей. Больно кольнула одна деталь. Здороваясь, она впервые подставила мне не губы, а щеку.

Кстати, она всего лишь раз позвонила мне в санаторий. Да и разговор был чисто светским: как отдыхается, что читаю и так далее. Она рассказала, что недавно приболела, сейчас принимает лекарства и надеется, что через месяц будет здоровой. На прощание сказала испуганно-робкое «целую».

Я думал, она позвонит еще. Не позвонила. Ну, и я не стал набиваться.

Не дождался ее звонка и в эти пять дней перед совещанием, когда уже был дома. Хотя каждый раз радостно вздрагивал, услышав звонок домашнего телефона...

15 сентября

От постоянных мыслей — как будет, что будет — можно сойти с ума. С ними я засыпаю и просыпаюсь. Но сколько бы ни думал — ясности, определенности никакой. Только где-то глубоко-глубоко в душе шевелится, созревает, все более четко очерчивается понимание: ничего у нас с нею больше не будет. То, что треснуло, не склеишь.

Мы продолжаем обманывать друг друга: она — якобы испытывает ко мне какие-то чувства, я — якобы в них верю. А на самом деле все уже решено...

21 сентября

А день начинался так красиво!

После многодневного молчания она наконец позвонила! С самого утра, и мы мило поговорили, тепло попрощались. А в обед, когда я заглянул в библиотеку, она пристально посмотрела на меня:

— Я хочу тебе сказать одну неприятную вещь...

— Догадываюсь.

— Мне неприятно об этом говорить, но...

— И не надо, — перебил ее. — В последнее время я это чувствовал. Ты перестала меня любить. Был какой-то всплеск, но он быстро погас.

— Неправда. Я ничего не делаю без чувства.

— Так куда же оно делось?

— Ну вот куда-то пропало, растаяло.

— Ладно, не будем больше перемалывать уже давно сказанное. Знаешь, это уже не грустно, а смешно. Поставим на этом точку. Окончательно и безвозвратно.

Чтобы не наговорить лишнего, я поднялся и ушел.

28 сентября

Не буду кривить душой: все эти дни во мне еще жила робкая надежда: а вдруг? А что, если?... К большому сожалению, никаких уже «вдруг» и «если» не будет. Сегодня мы встретились и расставили все точки над *i*. Она сказала, что на этот раз уже возвращения не будет. Да и я сказал, что не хочу его. Ведь на этот раз, кроме боли, в душе осталось досадное, нехорошее чувство.

— Догадываюсь, о чем ты. Не веришь, что мной управляло чувство. Думаешь, я каждый раз возвращалась к тебе с корыстной целью.

— Я не утверждаю. Я просто говорю, что не могу избавиться от таких нехороших мыслей.

— А я не понимаю: как можно любить и так не верить человеку? Ты вообще не веришь всем, кто рядом с тобой.

— Ладно, не будем в это углубляться, а то наговорим друг другу много обидного.

— Что же, давай не будем. Только вот получается, что ты вспоминаешь все плохое, а я — наоборот.

— Ну почему же? Я тепло вспоминаю начало наших отношений. Тогда ты была полностью моя. А потом... потом начались недоразумения, расставания, страдания. И тем не менее, у нас с тобой случались волшебные, фантастические минуты близости — таких у меня ни с кем и никогда не было. Может, из-за этого мне сейчас так больно.

На прощание я поцеловал ее долгим, жадным, горьким поцелуем и сказал:

— Прощай, моя любимая, моя желанная, моя неспетая песня... Прощай!

5 ноября

Между нами складываются чисто светские, дипломатически-интеллигентные отношения. Я стараюсь не заходить в библиотеку, а она почти не заглядывает в учительскую. Видимся обычно в коридоре. Но мы уже не целуемся, даже вежливо-дружеским поцелуем, не говорим друг другу «Андрейка-воробейка», «Шурочка-снегурочка», просто обмениваемся коротким, равнодушным «Привет!».

Я не расспрашиваю, что у нее и как, а она не интересуется моими заботами. И, конечно же, тщательно избегаем разговора о наших отношениях и чувствах. Хотя, что скрывать, я все еще люблю ее и все еще мое сердце бьется взволнованно-учащенно, когда ее вижу.

Стоит немалых усилий не заговорить об этом, не признаться, как мне плохо, как скучаю и страдаю без нее.

25 ноября

Положение мое по-прежнему неопределенное, непонятное и, по крайней мере, странное. Отчужденности, удаленности между нами стало как будто немного меньше, но и теплоты особой нет. Мы видимся, подолгу говорим, иногда даже мелькает нечто похожее на флирт. Однако тщательно избегаем выяснения отношений. Поэтому они и кажутся мне странными: они вроде бы немного больше чисто дружеских, но далеко не дотягивают до прежних...

Конечно, так продолжаться не может. Возможно, ее ситуация и устраивает. Она и раньше недоумевала: неужели нельзя обойтись без близости? Наверное, можно. Что мы и делаем сейчас. Но разве это можно назвать полноценными отношениями? Для меня, для мужчины, такое положение не только мучительно, но и унижительно. Понятно, что нужно принимать более решительные меры — расходиться.

Но вот вопрос: смогу ли?

Нечто подобное было у Тургенева с Полиной Виардо. Писатель сам признавался: «С той самой минуты, как я увидел ее в первый раз, — с той роковой минуты я принадлежал ей весь, вот как собака принадлежит своему хозяину... <...> не мог наслушаться ее речей, налюбоваться каждым ее движением; я, право, и дышал-то вслед за ней...»

Понимал ли Тургенев трагизм своего положения? Конечно же, понимал: «Она давно и навсегда заслонила от меня все остальное, и так мне и надо... Я только тогда блаженствую, когда жен-

щина каблуком наступит мне на шею и вдавит мое лицо носом в грязь», — прижврался он своему другу Афанасию Фету.

А Анатолию Кони незадолго до смерти с горечью говорил: «Вы себе представить не можете, как тяжела одинокая старость, когда поневоле приходится приютиться на краешке чужого гнезда, получить ласковое отношение к себе, как милостыню, и быть в положении старого пса, которого не прогоняют только по привычке и из жалости к нему».

3 декабря

Вчера, когда я уже собрался было идти домой, надел куртку, шапку, в учительскую неожиданно зашла она.

— Ты уже уходишь?

И было видно, что она немного расстроилась.

— А ты? — спросил я.

— Если немного подождешь, можем пройтись вместе.

— Ладно, подожду.

И мы прошлись по проспекту вплоть до площади Победы. А там я предложил ей зайти в «Салодкі фальварак». Она охотно согласилась.

Мы нашли свободный, уютный столик и проговорили больше часа. Она рассказала мне, что Янка, ее сын, и Вероника, которые были так увлечены друг другом, расстались. Невероятно! Речь уже шла о недалекой свадьбе. А тут вдруг... Что же случилось? Вероника сказала, что ей нужна свобода, а Янка слишком опекал ее, к тому же бурно ревновал. И ей, в конце концов, все это надоело. Мосты, правда, решили не сжигать. Вероника сказала Янке: «Если ты любишь, должен завоевывать меня по-новому».

— А надо ли? — выразил я сомнение. — Не любит она, не любит...

— Любит.

— Если бы так, то близкое присутствие любимого было бы не в тягость, а наоборот — в радость. Хотела бы быть вместе с утра до вечера.

— Такой характер.

— А что Янка?

— Сначала переживал, а теперь успокоился. Даже повеселел.

— Значит, и для него Вероника — не судьба.

Говорили якобы о сыне, а многое сказали и о самих себе. Хотя оба старательно этого избегали.

12 декабря

Она снова заболела и целую неделю не приходила на работу. И не звонила. А мне все это время было одиноко, беспокойно-тревожно. Не писалось. Не читалось...

Решил послать эсэмэску: «Шурочка, как ты? Загрустившему воробью плохо».

Через какое-то время пришел ответ: «Не грусти, пожалуйста, воробышек. У меня все нормально, иду на поправку».

А вечером еще и позвонила. Все с тем же «не грусти...».

— Да нет, ничего, — мне даже стало неловко за минуту своей слабости. — Это, видимо, от неустойчивой погоды. Пройдет...

Но в том-то и беда, что не проходит. До глубокой ночи я не мог уснуть от мучительных, болезненных мыслей.

Я не могу понять: чего же я хочу? Ее возвращения? Но даже если она вернется, боюсь, что ничего хорошего уже не будет. Так зачем же я делаю намеки, а то и откровенно говорю ей о своих чувствах, тешу себя пустыми надеждами? О, если бы я это знал! Если бы мог сдерживать свое сердце! Сколько раз приказывал себе быть с нею сдержанным, по-деловому спокойным, а увижу — и растаял, словно какой-то счастливый чертик начинает прыгать во мне и за меня говорить ласковые, нежные слова.

18 декабря

Все эти дни живу в тревожном ожидании судьбоносного разговора. А сегодня и плохо спал, и поднялся со стесненным сердцем.

Ищу удобный повод, жду и страшно боюсь, как повернется ко мне фортуна. Я даже не могу точно понять, чего хочу больше: чтобы она вернулась или раз и навсегда оставила меня?

Если за это время, что мы расстались, она осмыслила все серьезно и поняла, что я ей нужен как близкий и родной человек, то я за такое возвращение и с радостью пойду ей навстречу. Если же из каких-то меркантильных соображений захочет снова сблизиться, но никаких выводов не сделала и будет, как и прежде, приходиться ко мне раздраженная, колючая, равнодушная, мне это не нужно. Нам (во всяком случае, мне) лучше расстаться окончательно и не играть в эти фальшивые, мучительные игры.

Пишу эти строки, а сердце и разум ведут отчаянную борьбу, и, ей-богу, не знаю, кто из них победит, куда все повернется.

21 декабря

Сегодня Алесь Петрович на большой перемене, когда мы пили чай в нашем буфете, пристально посмотрел мне в глаза и сочувственно покачал головой:

— Все переживаешь?

Я молча пожал плечами: а что я могу поделаться...

Алесь Петрович, словно услышав мой молчаливый ответ, снова покачал головой, на этот раз укоризненно:

— Что делать — я уже говорил. Повторять не буду. Хочу только дать тебе в назидание одну умную притчу.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое лист со школьной тетрадки:

— На. Дома внимательно прочитай и подумай. Хорошенько подумай...

И вот, включив настольную лампу, я сижу за письменным столом и читаю:

«К одному учителю пришел человек и сказал:

— Что мне следует делать, чтобы стать мудрым?

Учитель ответил:

— Выйди во двор.

На улице шел дождь. И человек удивился:

— Ну как это может мне помочь?

Он вышел из дома и стал во дворе, а дождь лил и лил.

Человек полностью промок, вода проникла под одежду. Через десять минут он вернулся и сказал:

— Я постоял там, что теперь?

Мудрец спросил:

— Что случилось? Когда ты там стоял, дано ли тебе было какое-нибудь открытие?

Человек ответил:

— Открытие? Я просто думал, что выгляжу как глупец!

Мудрец сказал:

— Это великое открытие! Это начало мудрости. Ты на правильной дороге. Если ты знаешь, что ты глупец, изменения уже начались».

То, что я глупец, догадываюсь давно. Но желанных изменений пока не ощущаю. Хотя предчувствие дождя уже есть. И как бы хотелось верить, что я — на правильном пути...

25 декабря

Вчера вечером я стал самым несчастливым человеком.

Мы наконец встретились, и я сказал ей все, что решил в эти дни. Сказал, внимательно посмотрел в глаза и увидел лишь сожаление и растерянность. И — ни слова не услышал в ответ.

— Ну, что же... — вздохнул я. — И не надо ничего больше говорить. Молча ты все сказала.

Но и после этого она не посчитала нужным объясниться. Раньше хотя бы оправдывала свой поступок разными придуманными причинами, а сейчас, видимо, повторять эти банальности уже стыдно. Ну, нет чувства — что тут поделаешь? Какие могут быть объяснения?

Правда, когда мы шли по проспекту, она все же сказала, что ей будет меня не хватать. Поэтому очень обрадовалась, была просто счастлива, когда я не замкнулся, не отгородился.

— Мне почему-то нужно знать, где ты, что делаешь, какие у тебя планы...

— Но так больше невозможно, — сказал я. — Мне очень больно. Пока ты со мною, мне, конечно, приятно, я млею от счастья, а потом, когда остаюсь один, хоть волком вой.

— Я понимаю...

Дошли до трамвайной остановки. И хотя это был не мой трамвай, я быстренько и довольно сухо попрощался:

— Благодарю за этот прощальный вечер. Не поминай лихом!

И зашел в трамвай. И остались, как стоп-кадр, только ее жалостливые, растерянные глаза.

Эти глаза я, наверное, буду помнить долго-долго...

Перевод с белорусского автора